

АДРИАНА ДАРИ

ВЕНОК ГРОЗЫ

ВЕДУНЬЯ

ДЛЯ ПОВЕЛТЕЛЯ БУРЬ

Наследницы Морены. Пять венков

Адриана Дари

**Ведунья для Повелителя
бурь. Венок Грозы**

«Автор»

2025

Дари А.

Ведунья для Повелителя бурь. Венок Грозы / А. Дари —
«Автор», 2025 — (Наследницы Морены. Пять венков)

Земля умирает, зло пробуждается, но только я это чувствую, слышу. Никто не верит, кроме загадочного лесника Яромира. Его цинизм раздражает, но в его глазах таится нечто необузданное, словно гроза. Наш вынужденный союз раскрывает его тайны. Чтобы найти Венок Морены и победить тьму, мы должны забыть ненависть и принять друг друга. Однако эта миссия заберёт у нас то, что дороже всего. Что останется от меня... от нас, когда тьма уйдёт?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Адриана Дари

Ведунья для Повелителя бурь. Венок Грозы

Глава 1

– Не лезь, девка, не мешай, – староста вскочил с завалинки, навис надо мной огромной тучей, но я не дрогнула.

– Не для того я здесь, чтобы в сторонке сидеть! – вскинулась я, сжимая в ладони пучок травы.

Черно-фиолетовый налет на стеблях мяты и зверобоя обжигал пальцы, как чумное пятно. А местным хоть бы хны! Под нос им суешь – ничего не видят. Не хотят!

– Опять твои столичные бредни? Ты у нас кто? Травница назначенная, – хмуро отрезал староста, будто выплюнул. – Так и сиди в своей конуре, собирай корешки от брюха. Землю нашу не тронь. Она крепче твоих столичных знаний.

И ведь сколько раз я объясняла, что я не травница. Травовед. Ведунья, которая должна изучать урожаи, помогать возвращать поля и леса. Да только они все одно: или травница, или ведьма.

– Вот именно, что это ваша земля! Как вы можете так безответственно относиться к ней? – потеряв терпение, я ткнула в старосту пучком травы.

– Лето! Травы сохнут – это нормально, – рявкнул мужик.

– Этот черный мор, он не от солнца! Это гниль! И это только начало! Вы должны уже сейчас что-то делать!

– Должен? – староста сжал в руке нож, который точил, а его усы, желтые от табака, раздраженно шевельнулись. – Каждому свое дело! Без году неделя тут, а строишь из себя абы кого! Бабка Аграфена, вот кто знает нашу землю! Корни ее тут! Пока она глядит да бормочет, что все ладно, значит, так и есть! Не тебе меня, Игната, учить!

По спине пробежал холодок и заставил обернуться. Та самая бабка выглядывала из-за соседнего забора, на меня не отрываясь смотрела, словно искала что-то.

Швырнув под ноги старосте пораженные порчей травы, развернулась и пошла к своему домику. С Игнатом можно было до заката спорить, а у меня еще было дело: у дочки кузнеца жар не спадал, отвар надо было приготовить. Ходила в лес собирать ягоды и листья, но они все попрятались, не хотели помогать. Едва на одну порцию набрала.

В шелесте листьев только и слышала: “Беда! Беда!” А когда ходила в поля, там травы шумели: “Худо нам! Худо!” Земля стонала. Я что ни делала, из того, чему нас в академии учили, лучше не становилось.

А староста все как игрушка заводная, которые так любили в столице: “Лучше тебя, городской, ведаем”, “Нечего нас учить, коли сама жизни не знаешь”. Я уже и бестолковой была, и бесстыжей, и слабоумной.

Аж злость пробирала каждый раз такая, что хотелось собрать вещи да уехать отсюда куда подальше, оставив эту богами забытую деревеньку разбираться со своими проблемами.

Только вот нельзя мне было. Академию магическую закончила? Закончила. А теперь пришла пора отрабатывать. Место назначали по силе магии. Потому и оказалась я тут, практически на самой окраине княжества, в глухомани, в которую новости из столицы хорошо если через полгода доходят.

И ведь все эти слухи не мешали приходить жителям ко мне, столичной ведунье, да просить помощи: то в болезни, то в быту, то в любви. А я не могла не помочь – сила не простила бы. Слабая, почти бессмысленная, “дикая”, но очень своенравная, она жила своей жизнью.

– Ясна, а, Ясна, не решила еще, с кем через костер прыгать будешь? – раздался задорный голос Валека, сына старосты.

Он с самого приезда моего все заговорить со мной пытался. Да только что за его улыбками и лстивыми словами скрывалось? Мало ли я подобных удалых парней в столице видела? И слезы подруг потом тоже видела.

– А если и решила, тебе зачем знать? – ответила я, не останавливаясь и продолжая идти к домику.

– Так знать, с кем поговорить надо, чтоб место себе освободить, – Валек не сдавался, шел следом.

– Разве не знаешь, что ведьмы только с нечистыми дело имеют? Неужели с бесом говорить будешь?

– Ой, не смейся, Ясна! – рассмеялся парень. – Какая из тебя ведьма? Ты, даже когда злишься, и то красавица.

Я шла, сжимая корзинку с теми немногочисленными травами, что смогла раздобыть в лесу. Настроение было не творить – только вытворять. Что-нибудь этакое, чтобы все всерьез уже отнеслись. Но, опять же, сила...

Валек отстал у крайнего дома, к моему на отшибе у реки не пошел – девки деревенские перехватили, да с собой утащили, и я наконец вздохнула с облегчением. Не до разговоров с ним сейчас было – дел много. Хорошо, хоть щи вчерашние остались, готовить не надо.

Недоброе я почувствовала еще у калитки – она была приоткрыта. Неужели кто-то рискнул ко мне залезть? Ох, да было бы что красть!

Поставив на землю корзинку, я подхватила полено и тихо зашла в сени. Из щели незакрытой двери в горницу лился дневной свет, и доносился стук деревянной ложки о миску. Что такое?

Я прокралась как мышка, открыла скрипучую дверь и... замерла. За моим столом сидел чужой мужик и с аппетитом наворачивал мои щи!

Глава 2

– Вкусно? – едва сдерживая возмущение, спросила я и перехватила полено поудобнее.

Мужчина неторопливо поднял голову. На его мужественном, загорелом лице с густой, но аккуратно подстриженной бородой усмешка хозяина жизни. Глаза цвета лесной чащи смотрят на меня с удивительным спокойствием, как будто он все делал правильно и ни в коем случае не воровал чужую еду.

Одет просто: льняная рубаша, выдавшая виды, да холщовые порты. Только вот даже в свободной рубаше видно, что тело у незваного гостя сильное, а размах плеч богатырский. Да только вот совести к этому богатству отмерено не было.

– Неплохие щи, хозяйка, – произнес он низким, раскатистым голосом и даже не подумал встать. – Только соли маловато.

– Что?! – я сделала шаг вперед, занося полено. – Сейчас я так тебе наколдую... Солено! Поленом вот этим!

– Эй, полегче! – мужик отложил ложку, которая со стуком упала в миску, и наконец поднялся. – Я тут по делу. И жить я тут буду!

Вот это заявленьице! И хотя росту в нем было добрых две сажени, а ручищами он меня раза два, а то и три обхватить может, я даже не подумала отступить.

– Держи карман шире! Выметайся из моей горницы! Иначе до старости жалеть будешь! Я распахнула дверь в сени и указала рукой на выход.

– А ты меня штучками этими своими не пугай, – мрачняя, произнес чужак. – Не верю я в них. По закону ночлег мне положен, раз на хозяйское дело работаю. Грамота у меня есть. Так что ничего, потеснишься.

Я чуть не задохнулась от возмущения. И ведь наверняка Игнат подсуропил, чтобы у меня времени не было его доставать. Отличный способ мне досадить – подкинуть какого-то чужака.

– И что же у тебя за дело такое? Обьедать? – с усмешкой спросила я.

Мужчина выпрямился во весь рост и провел рукой по бороде, довольный, будто уже выиграл спор. Это мы еще посмотрим!

– Лес проверить. Молодой хозяин земли эти выкупить хочет, проверить отправил. Каждое дерево в этой дубовой роще пересчитать надо, понять, что к чему. Как... сберечь ценность такую.

У меня похолодело в груди. Выкупить земли... Я знала, что за этим бывает: они приходят, вырубают, распоряжаются. Но эта роща непростая, дубы в ней хранителями были всех местных деревень. В глубине рощи источник бил – не зря деревню прозвали Велесов Ключ.

– Так и считай, смотри, – процедила я сквозь зубы. – В лесу. Там духи лесные быстро тебя образумят.

– В лесу только звери да разбойники, – продолжил язвить мужик. – А тут, глядишь, и хозяйка пригреет да приголубит. Неужто вас в городской академии только грамоте разной учили? Наверняка и другие науки у вас были.

Я с грохотом опустила полено на стол, так что все вокруг подпрыгнуло и загремело.

– Да! Научили, как таких, как ты, распознавать, – тихо, напряженно проговорила я, глядя нагледу в глаза. – Не с теми намерениями ты сюда приехал!

– Столичная выскочка! Местных за дураков держишь, нос задираешь... – он сделал шаг на меня, сверкнув глазами. – Духами пугаешь. Нет их. Можешь сколько угодно местных за нос водить, а меня не получится.

– Для слепца и света не существует, – я вздернула подбородок, вглядываясь в его глаза.

Мы стояли друг против друга, кипя от злости. Лесник сжимал кулаки, а я попробовала вспомнить самое простое атакующее заклинание из академии – пусть слабое, но неприятно ему бы сделало.

Что-то было в нем такое, что подсказывало мне: непростой он, и встреча непроста наша. И неизвестно, чем она обоим нам аукнется.

– Ладно, – наконец он отступил. – Вечером вернусь. Ужин посоли нормально.

Он схватил шапку со стола да направился к двери. Хлопнул так, что горшки вздрогнули. Я осталась одна и тяжело опустилась на скамью.

Мало мне того, что с землей ничего сделать не могу, а староста к источнику идти не хочет, так еще и этого... А ведь я даже не спросила, как зовут этого чужака.

Жить он тут собрался! Вон даже мешок свой заплечный оставил. Что это он его оставил?

Я встала, с трудом вытащила из дома, а потом и за калитку мешок. Чужих у меня тут не бывало, так что вещи дождутся своего хозяина. А мне лишнее барахло в горнице не нужно. Заодно с улицы корзинку свою прихватила с травами.

Пришлось раньше поставить себе кашу, но я чуть больше горсть взяла – чтобы на ужин тоже хватило. И сразу принялась за отвар для дочери кузнеца: надо успеть, пока в травах да цветах еще сила земли хранится.

Цветки липы и бузины, листья малины и кусочки молодых веточек ивы, подхватываемые потоками воды в горшке, то поднимались, то опускались. Я смотрела на них и с замиранием сердца думала, что в следующий раз мне так может не повезти. Не найду нужных ингредиентов, что тогда будет?

Как только отвар закипел, я взяла веточку, что была сломлена с одного из вековых дубов, и, склонившись над горшком, прошептала заговор, которому меня бабка еще в детстве научила. Такого в нашей академии не рассказывали, да только это не значило, что оно не работало.

*Силою Родовой, силою Природной,
Скверну изгони, жар с теланими!
Как утренняя роса исчезает,*

Так и болезнь отступает.

Не я лечу – Мать-Земля лечит,

Не я говорю – Пращурьы вещают.

Над отваром появился плотный, густой дымок, а потом быстро исчез. Откликнулись растения, поделились своей силой. Мне осталось только процедить да налить в крынку, чтобы отнести кузнецу.

– Давай дочери по половине чарки утром и вечером, – строго наказала я Марфе, жене кузнеца. – А потом под шубу. Если совсем плохо пить будет, меду добавь. Да смотри, чтобы потела хорошо, водой больше пои.

Марфа испуганно смотрела на меня, но от отвара не отказывалась. К Аграфене что-то не пошла, меня выловила. Не все, похоже, в деревне бабку любили, как Игнат.

– Иди лечи, – в сени вошел кузнец и строго зыркнул на жену.

Та еще крепче прижала к себе крынку и скользнула в горницу. Мне дополнительного приглашения не потребовалось, поэтому я вышла следом за кузнецом.

Это был крупный мужчина, который по размерам лишь немногим уступал моему неожиданному гостю. Пожалуй, с ним с первым я в деревне нашла какой-то общий язык. Он же и подсказал про домик у речки, даже чуть подлатать его помог. Дальше я уж прибиралась и приводила его в порядок сама – долго там никто не жил.

И тем втройне обидно, что я мучилась, а этот... лесник решил устроиться на всем готовом!

– Мог бы я предложить тебе денег, Ясна, – начал он, пока мы шли по двору к кузнице. – Да только не принято вас, ведуний благодарить. И к чему тебе тут деньги?

Я покачала головой. Пока что у меня с местными так или иначе выстраивался обмен: я им помощь, они мне продукты.

– То-то и оно, – сказал кузнец. – А хороший нож для трав – это подарок. Держи.

Он протянул мне небольшой, не длиннее ладони, клинок в кожаных ножнах. Я, затаив дыхание, приняла его и достала нож искусной работы. Тонкое, идеально заточенное матовое лезвие с тупым кончиком и печатью Велеса у основания и деревянная рукоять.

– Это корень векового дуба из рощи, – пояснил кузнец. – Бери им только то, что само дается.

– Скоро ничего не останется, – произнесла я, сжимая в ладони теплую рукоятку ножа. – К источнику идти надо, помощи у него просить.

Кузнец нахмурился и почесал свою густую бороду.

– Не пойдет к нему никто, Ясна, – ответил он. – Страшное про те места рассказывают: и как люди не возвращаются, и что в жертву источник требует самое дорогое, что есть, и что сам Велес карает тех, кто к источнику приходит.

– Но разве лучше смотреть, как земля страдает, а травы сохнут?

– А ты что, хочешь сказать, что это твои “духи” виноваты? Да лето же, жарко. А источник ваш просто в такой чащобе, что заблудиться проще, чем обратно дорогу найти, – раздался знакомый раскатистый голос. – К чему все эти выдумки?

Глава 3

Я резко обернулась. Снова этот лесник! Он стоял за моей спиной, прислонившись к стене кузницы, а на его губах играла ухмылка. Откуда он взялся? Крадется, как лесной зверь!

– Опять ты! – вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

– Яромир, – представился он кузнецу, протягивая руку. – По хозяйскому делу тут. Слышу, про источник толкуете. Интересное дело – как люди сами себя пугают небылицами.

Кузнец пожал протянутую руку, но посмотрел хмуро, неодобрительно.

– Не гневи предков, Яромир. Не любят они таких речей, – сказал он.

– Им все равно, что мы тут говорим и как, – равнодушно пожал плечами Яромир. – А что до трав... Так засуха. Бывает. Дождей нет – вот травы и сохнут. А вы тут себе страхов понавыдумывали: и духи злые, и источник волшебный, и жертвы нужны. Пугаете себя сами.

– Ты... ты кто такой вообще, чтобы судить о том, во что люди верят? – вскипела я и сделала шаг к леснику. – Приехал сюда хлеб чужой есть да выгоду искать!

– Я? – Яромир усмехнулся шире. – Я тот, кто лес изучал настоящий, а не по книжкам. И скажу тебе точно – никаких духов там нет. Есть болота, где утонуть можно, есть звери, есть ядовитые растения. А источник ваш – обычная вода, которая из-под земли бьет.

– Много ты знаешь, Яромир. Да мало слышишь, – ответила я. – Смотри, как бы твоя уверенность не вышла тебе боком.

Яромир усмехнулся еще шире. Он явно что-то хотел возразить, да только кузнец встал между нами, прикрывая меня собой:

– Не надо так, Яромир. Старые места уважать надо. Они древнее нас.

Спокойная уверенность кузнеца подостудила пыл лесника, и он ничего не ответил.

Он только смотрел на меня с той же раздражающей усмешкой. А я почувствовала, как внутри разгорается не только злость. Во мне еще сильнее разгорелось желание доказать Яромиру, что он неправ, что не все можно объяснить засухой и случайностью. Мне показалось это очень важным. Даже важнее, чем убедить Игната.

– Ладно, ты по делу или от безделья ко мне? – спросил кузнец. – Кузница не любит простоя.

– По делу, – бросив на меня последний взгляд, сказал Яромир и достал из чехла на поясе нож. – Замену вот своему ищу.

Они скрылись в кузнице, а я пошла домой. Я не тешила себя напрасной надеждой: одной мне даже со всеми моими знаниями с грядущей бедой не сладить. Но постараться оттянуть ее я могла.

Поэтому я не стала сразу возвращаться домой – пошла к речке, туда, где я видела осину. Для создания магического живого оберега для полей мне нужны были молодые веточки. Да только и тут меня ждали тревожные новости.

Листочки осины местами почернели и свернулись, словно опаленные огнем. Даже часть веток как будто обуглились. Едва нарезала двенадцать штук – по месяцам в году. Несколько раз мысленно поблагодарила кузнеца, что так вовремя подарок мне сделал.

Тревожно мне. Я здесь одна, в этой деревеньке. Отправили меня со словами, что “край зажиточный, проблем не больно много, потому придется мне только разве в огородах крестьянам с сорняками помогать”.

Но как оно все обернулось? И ведь не верит никто.

Вернувшись домой, я достала из сундука свои академические записи – толстую тетрадь в кожаном переплете, где были все заклинания и ритуалы, которым нас учили. С собой взяла только самые сложные, для работы с землей и растениями, потому что простые и так хорошо знала.

Ритуал поднятия влаги считался одним из самых трудоемких, особенно когда дело касалось больших полей. На него отправляли всегда человек десять, не меньше. Но мне оставалось рассчитывать только на себя.

Взяла большую лохань, вытащила ее на задний двор и замочила в колодезной воде веточки, нашептывая первую часть заговора. Потратила последнюю соль на ритуал и неожиданно для себя улыбнулась: несолено было Яромиру? Так теперь вообще без соли есть будет.

Хотя кто сказал, что я его кормить стану?

Солнце уже начало клониться к закату, касаясь верхушек деревьев и окрашивая облака и поверхность речки в сочные оранжевые оттенки. К привычному журчанию воды все сильнее примешивался стрекот кузнечиков и пение птиц в чаще. Это было счастье, что пока они еще пели: это значило, что пока еще время есть.

Где-то в деревне возмущенно лаял пес и мычали коровы. С речки потянуло прохладой, а над ухом пропищал комар. Я зябко обхватила себя руками и, прикрыв замоченные осиновые веточки чистой тряпицей, поспешила в дом.

Только по дороге собрала со своего крошечного огорода свежей мяты, чтобы к ночи чай заварить, и уже почти на крыльцо поднялась, как услышала стук в калитку. Неужто Яромир вернулся?

Но нет, на пороге стоял Валек с небольшим мешочком в руке.

– Ясна, мать просила передать тебе соли, – сказал он, протягивая свою ношу. – Сегодня только дядька Матвей с села привез.

Я взяла мешочек, чувствуя, какой он тяжелый. А Яромиру везет...

– Спасибо, – сказала я. – Передай матушке мою благодарность.

На самом деле дорогой подарок больно. Да и вряд ли мне бы его жена старосты сделала – не пойдет она против мужа, а Игнат меня ой как недолюбливает.

Валек повод нашел. Снова про Купалу спрашивать будет?

– Передам, – он не торопился уходить, переминаясь с ноги на ногу. – Может, помочь чем?

– Спасибо. Управлюсь сама, – покачала головой, давая понять, что не пушу его на двор.

Не мне, так себе репутацию подпортит – с ведуньей-чужачкой знаться-то не большая честь.

– Да я вижу, что управляешься, – он все пытался заглянуть ко мне. Настырный. – А слышала, сегодня с Матвеем чужак какой-то приехал. Девки в деревне говорят, что здоровый, как медведь. Не видела?

Вот она, настоящая причина визита. Не передача вовсе, а любопытство да ревность.

– А тебе какое дело? – спросила я.

– Как это какое? – Валек нахмурился. – Отец сказал, что в деревне никто его на постой не пустил. Аграфена сказала, пустить чужака – к беде.

Помнила я этот добрый прием. На меня как эта бабка взглянула, так я сама чуть не почернела, как эти травы в лесу. Она тогда как выплюнула: “Чужак в доме – к беде, так прачуры сказали”, – так все ей сразу и поверили.

– И что? – подняла бровь и переплела руки на груди.

– Как что? Сказали, что он к тебе пошел! Это же его сумка?

Я тяжело вздохнула, видя возмущенный взгляд Валека.

– Ясна, ты... ты ему не доверяй. Что-то мне не нравится этот лесник. Чужой человек, откуда ни возьмись появился, да еще и жить у тебя собрался...

– При чем тут ты? – удивилась я. – Мне самой он не нравится, если хочешь знать.

– Так выгони его! – горячо сказал Валек. – Скажи, что места нет! Или я с ребятами поговорю, мы его быстро образумим!

– Сам же сказал: вот его сумка. На улице, – ответила я. – Так что, как видишь, не у меня он.

– А хочешь, я сам с ним поговорю? По-мужски. Что он здесь забыл? – не унимался парень.

– Не надо, – быстро сказала я. – Я сама. Иди домой, Валек, темнеет уже, не дело в поночи рядом с лесом ходить. А мне калитку еще запереть надо. И матушке благодарность мою не забудь передать.

Он постоял еще немного, явно надеясь, что я передумаю, но потом махнул рукой и ушел.

Я заперла калитку на засов и, закрыв дверь в горницу, прислонилась к теплому шершавому дереву. Староста и так на меня зуб точит. А если узнает, что ко мне его сын повадился ходить, так, не приведите боги, еще и в привороте обвинит.

Я наконец поела, потушила керосиновую лампу и легла спать. Как только закрыла глаза, тут же в голову полезли какие-то дурные мысли. Ведь я была практически уверена, что Яромир вернется к ужину. Уже готовилась к новому препирательству.

Что с ним могло приключиться? Да что угодно! В лесу и волки, и медведь, и леший может в чашу увести. А Яромир один и дурак, хоть и сильный на вид.

Утром я, как обычно, проснулась с первыми петухами, когда лучи солнца еще только коснулись верхушек древних дубов. Накинула шаль, но едва ли успела спуститься с полатей, как поняла, что в горнице не одна.

Да длинной лавке во весь свой могучий рост растянулся Яромир.

Глава 4

Не стала себя обманывать: я вздохнула с облегчением, что Яромир жив и здоров. Только вот настырный червячок вредности не давал мне покоя.

Ну разве можно вот так вламываться в чужой дом? Наглости этому леснику было не занимать, конечно.

Я не собиралась рассматривать его, но сейчас не могла отвести взгляда. Во сне Яромир выглядел совсем иначе: исчезла та насмешливая самоуверенность, что так меня раздражала. Черты лица смягчились, а густые темные ресницы бросали тени на скулы.

Рубаха сверху немного распахнулась, обнажив широкую мускулистую грудь.

Дышал он ровно, спокойно, а сильные руки были закинута за голову, как будто он просто беззаботно прилег смотреть на небо и случайно задремал. Тело у него сильное, тренированное, но было в нем что-то, что заставляло задуматься, лесник ли он?

Что за тайны скрывает этот человек, который так легко отмахивается от всего, во что верят местные?

Я взяла чистую рубаху и тихо прошла к двери, стараясь не разбудить Яромира, некогда мне сейчас с ним разбираться. Рассвет был самым подходящим временем для завершения ритуала: мне нужно было собрать росу, пока она еще хранила в себе силу ночи.

Выскользнув в сени, я почти сразу поняла, как лесник попал в горницу: дверь в сенник была открыта. Не подумала я о ней. Урок мне будет.

Сама пошла туда же, передела рубаху на чистую и вышла на улицу. Прохладный утренний воздух обжег кожу, по телу пробежали мурашки, а подол почти сразу потяжелел. Трава была влажной от обильной росы, но это было мне сейчас только на руку: чем больше росы, тем сильнее защитные силы осиновых веток будут.

Прогулявшись вдоль речки, я вернулась и опустилась на колени возле лохани с замоченными осиновыми веточками. Взаимодействие с водой всегда было тесно связано с силой самого мага.

А у меня силенок было мало, потому и приходилось использовать различного рода способы “усиления”. Как теперь: я сидела и старательно выжимала подол в лохань, наводя одновременно плетение.

– Силою утренней, силою чистой влагу храните, поля защитите, – шептала я.

Каждая капелька была драгоценной. Вода из собранной росы была холодной, но не ледяной. В ней чувствовалась живая сила земли, еще не тронутая черной порчей.

Осиновые прутья потемнели от влаги, набухли. Солнце поднималось все выше, и я поспешила закончить работу. Теперь оставалось только пройти вдоль полей и распределить осину более-менее равномерно, чтобы защита накрыла как можно больше.

Вернувшись в дом, я нарочно громко хлопнула дверью и принялась греметь котелками. Мне даже готовить, в общем-то, не надо было: каша с вечера оставалась.

Но недовольство непрошеным гостем, который даже мешок свой обратно затащил, перевесило. Я с шумом достала из печи чугунок, со звоном поставила на стол глиняную миску, стуча ложкой о край горшка.

– Что за грохот? – недовольно пробурчал Яромир, приподнимаясь на локте.

– А что, мне в собственном доме на цыпочках ходить? – спокойно сказала я, нарочно еще громче стукнув горшком о полку. – Не нравится шум – есть дорога на все четыре стороны.

Он сел, потирая затылок, и покосился на меня с кривой усмешкой.

– Мог бы и поспать еще, – проворчал он. – Солнце-то едва показалось.

– Работящие люди с петухами встают! – резко ответила я. – В лесу, например, под дубом можешь спать хоть до вечерней зари.

Он усмехнулся, но в глазах полыхнуло.

– Острый язычок, – заметил он. – Только вот беда – официально я тут по делу. И право на кров имею. Хочешь не хочешь, а терпи.

– Кров – это сарай! – я ткнула деревянной ложкой в сторону двора. – Вон, сенник видел? Там и спи!

Тут он не выдержал и поднялся, снова возвышаясь надо мной, словно пытаюсь задавить своим влиянием. Да только не на ту напал.

Мы стояли, сверкая друг на друга глазами, как два петуха перед дракой. И, может, долго бы так стояли, если бы не раздался громкий стук в калитку.

– Ясна! – женский голос, полный отчаяния и страха, заставил меня вздрогнуть. – Помоги, Ясна!

Я поджала губы, послала мысленно недобрый взгляд Яромиру, намекая: “Не до тебя сейчас, но к разговору мы еще вернемся!” – и выскочила на улицу.

– Ясна, помоги, – повторила женщина в поношенном, но аккуратном сарафане. – С ночи сын в горячке лежит, ничего не помогает. К Аграфене пошла, а она со двора погнала, говорит, что духи выбрали его, чтобы забрать. Говорит, их он.

Сердце сжалось от жалости к женщине и больному ребенку и злости на бабу. Не может она знать, что ребенка духи забрать хотят. Да и не забирают они детей без вины и без сильной надобности.

– Помоги, Яснушка, – она упала в ноги мне. – Ты дочери кузнеца помогла... Не оставь меня. Век должна буду, что хочешь сделаю.

– Да ничего мне не надо, – ответила я, – веди к сыну, смотреть буду.

Я задержалась, только чтобы выкопать в огороде кустик мяты, и мы пошли в самый дальний домик на другом конце деревни. Малец лежал, весь мокрый от пота и бледный, его явно мучили кошмары, от которых он пытался сбежать, но горячка насылала их все сильнее.

Опять мне в лес надо было, чтобы собрать травы. И поля защитить. И...

Я возвращалась домой и не знала, как мне разорваться. Что сделать первым, потому что и то, и другое требовало и сил, и времени.

– Уезжай, девка, – раздалось прямо передо мной, я даже вздрогнула.

Бабка Аграфена выросла на моем пути словно из ниоткуда.

– Уезжай, пока цела.

Глава 5

Аграфена нависала надо мной, опираясь на узловатую палку. В ее глазах не было ни капли старческой немощи – они горели каким-то недобрым огнем, а морщинистое лицо исказила злобная усмешка.

– Не место тебе здесь, городская, – продолжила она, прищуриваясь. – Земля наша тебя не принимает. Видишь, как все плохо стало, как только ты появилась?

Я сжала пальцами подол платья. Чепуха! Когда я приехала, первым делом услышала стон растений и заметила болезнь земли.

– Что вы врете-то?

– Правду говорю! – она ткнула в меня скрюченным пальцем. – И каждый в этой деревне мне поверит. Беду ты принесла! Порчу на землю навела своими столичными штучками! Детей морить начала!

Во мне вскипело негодование:

– Я детей лечу! – возмутилась я. – А вы мать больного ребенка прогнали! И вообще, отойдите с дороги, я спешу!

Я попыталась обойти ее, но Аграфена шустро перекрыла мне дорогу и расхохоталась. Звук был такой мерзкий, что по спине пробежали мурашки.

– Лечишь? Да ты их к смерти готовишь! Жертвы нужны темным силам, а ты их поставляешь! – она наклонилась ближе, и от нее пахло чем-то тухлым.

У меня перехватило дыхание, и я ясно почувствовала, что не из ниоткуда были взяты эти слова. Не зря Аграфена упомянула жертвы и темные силы.

– Уезжай, пока жива, – теперь в голосе бабки звучала открытая угроза.

Я хотела ей что-то возразить, да только смотрела в ее тусклые, словно покрытые толстым слоем пыли глаза, не в силах отвести взгляд. Аграфена даже не шептала ничего, но я отчетливо чувствовала, как холод окутывает мою грудь.

Внезапно рядом раздался звук тяжелых шагов, и знакомый голос прогремел:

– Эй! Что тут происходит?

Яромир стоял неподалеку, держа в руках новый топорик, видимо, ходил к кузнецу за ножом, но решил еще и его прихватить. Лицо лесника было мрачным, а в глазах плясали опасные огоньки.

Аграфены тут же отвела взгляд, и я смогла пошевелиться.

– А, и ты, чужак, здесь, – проворчала бабка, но от Яромира начала пятиться. – Шел бы ты со своими тайнами прочь, не мешал мне.

– Я на хозяина своего работаю, – холодно ответил он, подходя ближе. – Что он скажет, то я и делаю. А он сказал здесь осмотреться. Ступай к своим делам, бабка, хватит пугать. И без тебя пуганые.

Аграфена что-то недовольно пробурчала себе под нос, но отступила. Напоследок она кинула на меня такой взгляд, что я поежилась.

– Запомни мои слова, городская. Уедешь сама – живая будешь. Нет – заберет тебя лес.

Она обошла меня, затворила за собой калитку да скрылась в доме. И только после этого на улице послышались людские голоса.

– Что это было? – спросил Яромир, оглядывая меня с головы до ног.

– Сама хотела бы знать, – честно призналась я, потирая руки – они все еще были холодными.

Вовремя лесник появился. Да только скажи я кому из местных – не послушает меня никто, не поверит.

Яромир пожал плечами, но я заметила, как внимательно он смотрел в ту сторону, куда ушла Аграфена.

– Сначала придумают, а потом боятся, – сказал он наконец.

– Ты не веришь в духов, помню, – устало ответила я. – Но верь – не верь, а здесь действительно что-то очень плохое происходит.

– Я уже говорил, что это плохое – летняя засуха, – Яромир хмыкает. – И не всегда это бывает плохо.

Я только бросила на него взгляд. Что-то было в его выражении лица, что не понравилось мне: я не понимала, что у него на уме, а тем более на уме у его хозяина, кем бы он ни был.

Мне нужно было в лес – собирать травы для больного ребенка. И времени оставалось все меньше. Леснику – туда же, территорию осматривать.

Поэтому шли мы вместе по тропинке молча, каждый думая о своем. Я старалась прислушаться к шепоту деревьев, но они были встревожены и говорили невнятно. Травы вообще еле слышно стонали. А мне надо было быстрее в лес попасть, чтобы собрать все.

Яромир шагал рядом, как будто свысока рассматривая небогатую деревеньку.

– Зачем ты за мной пошел? – наконец не выдержала я.

– Не за тобой, а в лес. Работа у меня такая, – пожал плечами Яромир. – А ты что, против компании?

– Против твоей – да, – честно ответила я, но почему-то без прежней злости.

Он усмехнулся, и я неожиданно заметила, как эта спокойная усмешка поменяла его лицо. Оно стало не таким надменным, а... привлекательным. Я поспешно отвела взгляд.

– Не такая уж я и плохая компания, – заметил он. – Смотри, от Аграфены защитил.

– Защитил, – буркнула я. – Сама бы справилась.

– Конечно, справилась бы. Только вот бледная была, как полотно. Запугала тебя до смерти эта бабка.

Если бы запугала... Там было явно что-то другое, только я никак не могла понять что. В академии о таком не рассказывали, а прабабушка успела мне только малую толику о своей, а теперь и моей, силе поведать.

Но Яромир был прав. Он заступился за меня без всякой выгоды для себя. Неужто за всем его цинизмом прячется хороший человек?

Я поняла, что снова бросила на него заинтересованный взгляд и снова отвернулась.

Но был один момент в словах Аграфены, который не давал мне покоя, потому что уж больно совпадал с моими мыслями.

– А что это бабка про тайны твои говорила? – спросила я словно в шутку.

Яромир напрягся, и я почувствовала, как изменилось его настроение.

– У всех есть тайны, – отрезал он.

– И у тебя есть?

Глава 6

Он остановился и повернулся ко мне. В его зеленых глазах мелькнуло что-то неуловимое, но на лице снова появилась язвительная улыбка.

– У каждого есть, Ясна, – сказал он. – И у тебя тоже.

Мое имя в его устах прозвучало как-то особенно, и я почувствовала, как внутри что-то встрепенулось, даже несмотря на явную наглость со стороны Яромира.

Вот еще! Не за этим я ехала в дальнюю деревню, мне мое сердце еще дорого, я его травам и земле дарить буду.

– Ясна! – громкий голос заставил обернуться.

Только теперь я поняла, что мы снова оказались слишком близко друг к другу в своем воинственном противостоянии. Мы отскочили друг от друга, словно осами ужаленные. Из-за деревьев шел Валек с широкой улыбкой на лице.

– А вот и ты! – он приблизился ко мне, демонстративно игнорируя Яромира. – Искал тебя по всей деревне. Сплела уже венок на Купальскую ночь?

– Нет, – ответила я, собираясь побыстрее закончить разговор.

– А будешь? – парень не собирался сдаваться.

– Посмотрим, – уклончиво ответила я, чувствуя, как Яромир напрягся рядом.

– Обязательно надо! – горячо заговорил Валек. – Я твой венок сам выловлю.

Я тяжело вздохнула и покачала головой. Вот вроде ж взрослый парень, а в голове – что ветер.

– У меня дед так венки поймал в речке, а потом всю ночь они с бабкой цветок папоротника искали.

Это вызвало громкий смех Яромира:

– Знаем мы, какой ты цветок хочешь искать, – сказал он, да только глаза его недобро сверкнули, а я почувствовала, как за его насмешкой скрывается угроза. – Так сказки-то уж хватит рассказывать. А то у тебя потом и русалки повылезают, и лешие в лес утащат.

– Ты, чужак, иди своей дорогой. А лучше заканчивай свои дела быстрее... – Валек выпрямился во весь свой рост, готовый спорить уже не только словами.

– Хватит! – внезапно вскрикнула я. – Спорите тут, а самого важного не видите. Скоро и венки плести будет не из чего. Да и пускать негде!

Я развернулась и быстрым шагом пошла прочь от этих двух петухов. Только время отнимали!

Лес встретил меня тревожной тишиной. Даже птицы почти не пели. Я ходила между деревьями, собирая то немного, что еще можно было использовать. Почти завядшие цветки липы и бузины, пара веточек ивы, несколько чудом уцелевших листиков малины.

Вернувшись домой, я быстро приготовила отвар и отнесла его матери больного мальчика, дав все те же указания, что и жене кузнеца. Женщина плакала от благодарности, а я только молила всех богов, чтобы лекарство подействовало.

К кузнецу я тоже заглянула, да только не радостно было. Жар спал, но дочка лежала совсем без сил, почти не ела. И моих знаний и даже подсказок трав было недостаточно, чтобы понять, что же мне теперь делать.

Когда я с вымоченными осиновыми прутиками отправилась к полям, солнце уже стояло высоко и нещадно палило. Но откладывать было уже некуда. Нужно было расставить их, чтобы хоть немного отсрочить то, что неизбежно, если не разобраться в причинах.

Поля находились за деревней, там, где земля полого спускалась к лесу. Рожь должна была колоситься, но колосья были мелкими, болезненными. Я начала идти по меже, втыкая в землю по маленькому прутику через каждые двести шагов, нашептывая магический заговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.